

Metaphoric periphrasis in the ethnographic discourse by L.N. Gumilev: semantic and functional features

The article deals with the origins and diversity of periphrasis in the modern Russian language. Three ways to be included in the context of periphrastic combinations are described. The author shows the role of the individual author's metaphorization of fixed expressions regarding other scientific fields (free atoms). The features of syntagmatic structure in metaphoric periphrasis are found out. The analysis shows the individual style of an ethnographer using metaphoric periphrastic combinations.

Key words: *metaphoric periphrasis, heuristic and explanatory functions, three ways to be included in the context of periphrastic combinations, individual author's metaphorization, ethnographic discourse by L.N. Gumilev.*

(Статья поступила в редакцию 15.06.2016)

Е.В. КАЛЛИСТРАТИДИС
(Ростов-на-Дону)

**ЛЕКСИЧЕСКАЯ ИННОВАЦИЯ
«ЛЕНИНОПАД» В ИНТЕРНЕТ-
ТЕКСТАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ТЕМАТИКИ**

Раскрывается специфика вербализации и концептуализации представлений русскоговорящих об актуальной социально-политической реальности на примере инновации «ленинопад» и дериватов, образованных по ее образцу. Определяется роль способа образования, а также словообразовательных и ассоциативных связей указанных единиц в формировании их внутренней формы. Анализируются особенности функционирования этих игровых трансформ в текстах сетевых СМИ и в речевых произведениях рядовых интернет-пользователей.

Ключевые слова: *политическая интернет-коммуникация, языковая игра, когнитивная метафора.*

Актуальные события социально-политической жизни стимулируют словопроизводство и словотворчество не только в текстах традиционных СМИ, но и в речевых произ-

ведениях рядовых носителей языка. В разнообразных интернет-публикациях, манифестирующих неформальные коммуникативные практики, употребляется целый ряд лексических инноваций, семантически связанных с политической и социальной действительностью. С их помощью вербализируются представления интернет-пользователей о мире политики, выражается их отношение к актуальным событиям, обозначаются новые реалии и явления. Благодаря Интернету такие единицы, появляющиеся в рамках неофициального группового общения, проникают в общедоступные интернет-тексты, становясь фактами массовой коммуникации, а затем и в тексты традиционных СМИ, где они осмысливаются журналистами как приметы времени, символы текущего периода, интересные уже тем, что они являются продуктом лингвокреативной деятельности обычных граждан. Лавинообразное словотворчество представляет собой естественную реакцию языкового сообщества на активные социально-политические изменения, т. к. «каждый новый поворот в историческом развитии государства приводит к языковой “перестройке”, создает свой лексико-фразеологический тезаурус, включающий также концептуальные метафоры и символы» [13, с. 24].

Интерес общественности к новой лексике опережает ее научное осмысление. Большинство статей, отражающих результаты лингвистического исследования инноваций, вошедших в употребление после так называемого Евромайдана и последовавших за ним событий, было опубликовано в 2015 г. после объявления результатов конкурса «Слово года – 2014» и их обсуждения в СМИ [2; 3; 10; 14 и др.] и позже [6; 8], лишь отдельные работы датируются 2014 г. [5]. Новообразование *Крым-наш*, ставшее, по мнению О.С. Иссерс, ключевым словом текущего момента [10], и другие претенденты на звание главного слова 2014 г. обращают на себя внимание лингвистов в первую очередь. В статье И.А. Быковой анализируются особенности деривации около тридцати инноваций, обозначенных автором как «неологизмы 2014 г.», при этом «акцентируется внимание на роли пропагандистской направленности текста в формировании оценочного значения новой лексики» [3, с. 10]. Е.Я. Шмелева на примере почти сорока производных слов рассматривает возможности «интернет-словотворчества», что позво-

ляет ей говорить о появлении новых аффиксов, аффиксоидов и даже моделей и способов словообразования; выявленные новообразования автор относит к «ключевым словам эпохи» [14]. По мнению О.С. Иссерс, «в результате творческой деятельности массового сознания многие единицы актуального политического и околополитического словаря получили ироническую и саркастическую окраску, которая, быть может, еще более рельефно отражает социально-политическую ситуацию в обществе» [10, с. 29]. Как отмечает исследователь, ««слова ушедшего года» продолжают функционировать в контекстах года нынешнего» [Там же], большинство неологизмов, привлечших внимание общественности в 2014 г., не утратило своей актуальности и спустя два года. В настоящей работе рассматриваются особенности образования и функционирования в интернет-текстах инновации *ленинопад*, включенной в число номинантов конкурса «Слово года – 2014». Указанная единица упоминается в работе Е.Я. Шмелевой как один из интернет-неологизмов, образованных с помощью словосложения [14, с. 48], а также включается в перечень новообразований 2014 г. в статье И.А. Быковой [2, с. 12], однако специфика реализации ее образности и словообразовательного потенциала в конкретных контекстах исследователями не рассматривается. Настоящая статья не претендует на масштабное систематическое описание возможностей интернет-словотворчества или на определение дискурсивных функций неологизмов, или на выявление тенденций развития их игрового потенциала, которые проводятся в некоторых из упомянутых выше исследований [10; 14], однако интерес может представлять и подробное рассмотрение особенностей образования и функционирования одного из новообразований, отражающих представления говорящих об актуальных событиях. Интернет-тексты являются не менее ценным источником информации об отношении общества к социально-политическим процессам, чем результаты социологических опросов, тем более что анализ подобных речевых произведений позволяет учитывать эмоциональную составляющую неформальной политической коммуникации.

Как и большинство неологизмов, семантически и дискурсивно связанных с общественно-политической жизнью современной Украины, рассматриваемая инновация встречается в интернет-текстах как на русском, так и на украинском языке, в последнем случае она печатается в соответствии с правилами украин-

ской орфографии – *ленинопад*. Объем русскоязычного интернет-контента значительно превышает число документов на украинском, при этом большинство публикаций, содержащих инновацию *ленинопад*, датируются 2014 г., в то время как ее русский вариант начинают употреблять в 2013 г. и продолжают активно использовать в настоящее время: по запросу *ленинопад* поисковая система “Google” находит 71400 документов (запрос от 30.07.2016).

Зачастую под *ленинопадом* подразумевается массовый снос памятников В. И. Ленину на Украине в 2013 – 2015 гг., однако в целом ряде контекстов говорится, что *ленинопад* начался в постперестроечный период, причем территория, «охваченная» этим явлением, расширяется и речь уже идет не только об Украине, но и о других бывших республиках СССР и даже о странах дальнего зарубежья. Встречается также и форма множественного числа – *ленинопады*: *Сегодня в стране намечаются и проходят массовые ленинопады* (URL: <http://vopros.ua/page/current/11435>, 22.02.2014 (дата обращения: 25.07.2016)); очевидно, здесь под *ленинопадом* понимается отдельное происшествие, единичный акт вандализма, а не массовый снос памятников. Как видно из метаязыковых контекстов, многие коммуниканты считают, что слово появилось в 2014 г. и было создано журналистами. Однако это не совсем так: первые контексты употребления единицы в Интернете датируются 2013 г., среди них есть как материалы киевских и донбасских сетевых СМИ, так и блогпосты и комментарии пользователей социальных сетей. Нет фактов, на основе которых можно было бы сделать вывод о том, где рассматриваемая инновация употребляется впервые: в зоне публичного неформального общения или в интернет-прессе. В текстах 2013 г. единица пишется то с большой, то с маленькой буквы и часто помещается в кавычки. В 2014 г. резко увеличивается число контекстов ее употребления, устойчивым становится написание со строчной буквы, однако кавычки иногда используются и сейчас. Авторы высказываний, датированных 2013 г., оценивают негативно явление, обозначаемое новообразованием, но в дальнейшем единица используется как противниками, так и сторонниками *ленинопада*.

Лексическая инновация *ленинопад* образована путем сложения основ с использованием интерфикса *-о-*. Первая основа представлена неискаженным узуальным антропонимом в форме единственного числа с сохранением антропоформанта *-ин* – широко известным

политическим псевдонимом, отсылающим к огромному пласту актуального исторического и социально-политического знания. Однако в данном случае антропоним *Ленин* деонимизирован и имеет основанное на метонимическом переносе значение «памятник В.И. Ленину». Инновация *ленинопад* образуется по аналогии с узуальными лексемами *снегопад*, *листопад*, *звездпад*, *камнепад*, *водопад*. Их внутренняя форма прозрачна, а словообразовательная структура с легкостью восстанавливается если не интуитивно, то с применением навыков, сформированных в рамках школьного курса русского языка. Такое образование слов «по конкретному образцу» [7, с. 194], обозначенное С.В. Ильясовой как «предсказамус-прием» [9, с. 193], является одним из наиболее распространенных приемов создания окказионализмов в текстах художественной литературы и разговорной речи [7, с. 194], а также в языке СМИ [9, с. 193–199]. Его механизм состоит в следующем: «Конкретный образец может быть как производным словом, так и непроизводным, но вычлещающим какие-то сегменты. Создавая окказионализм, творец может отчетливо осознавать связь с прообразом и эксплицитировать ее. При этом в качестве форманта, структурирующего окказионализм, часто используется не аффикс, а какой-либо фрагмент слова-прообраза» [7, с. 194]. Исследователи отмечают, что рассматриваемый прием выполняет функцию экспрессивного средства [Там же, с. 94; 9, 193–194], причем в языке СМИ «характер экспрессии <...> представлен в самом широком диапазоне – от незатейливой шутки до ярко выраженной социальной оценки» [9, с. 194], однако в выявленных контекстах единица *ленинопад* нейтральна и не является носителем положительной или пейоративной оценки.

В семантике инновации присутствует указание на регулярность события, которое затрагивает целый ряд предметов, что обусловлено семантикой выступающих в качестве образца узуальных слов, обозначающих падение множества одинаковых предметов (*листьев*, *каменной*, *звезд* и т. д.) или большого объема вещества (*воды*, *снега*). Сам способ образования и порождаемые им ассоциативные связи с указанными словами делают единицу *ленинопад* парадоксальной: памятники Ленину падают так, как падают *снежинки*, *листья*, *камни* или *звезды*, – однако этот логический парадокс обусловлен абсурдностью описываемой реальной ситуации. Кроме того, словообразовательная структура инновации делает ее внутреннюю форму метафоричной, способ-

ствуя возникновению сразу двух когнитивных метафор. Вслед за большинством исследователей, работающих в рамках лингвокогнитивного направления, под когнитивной (концептуальной) метафорой мы понимаем «важнейший способ когнитивного моделирования действительности, способ непрямого отражения мира в сознании, репрезентированный в языке в системах образных номинаций» (курсив З.И. Резановой. – Е.К.) [12, с. 26]. Инновация *ленинопад* представляет собой и прямое номинативное обозначение явления, фиксирующее его визуальный облик, и его образную интерпретацию. Во-первых, это природоморфная метафора МАССОВЫЙ СНОС ПАМЯТНИКОВ В.И. ЛЕНИНУ – ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ, а во-вторых, более абстрактная ориентационная, при которой утрата идеологической значимости образно обозначается как движение вниз, падение.

Сопоставление концептуализируемого явления с природным процессом нередко подкрепляется контекстным окружением инновации, например: *Это хорошо, что снесли. Глядишь и ленинопад начнётся* (URL: <https://vk.com/essenceoftime>, 06.01.2016 (дата обращения: 25.07.2016)); *Прогноз погоды на ближайшее время: Над Украиной обильные ленинопады* (URL: <https://twitter.com/sanndrio/status/589308327202578432>, 18.04.2015 (дата обращения: 25.07.2016)). Подобная репрезентация события характерна для новостных сообщений сетевых СМИ, где заголовки выдержаны в манере метеопрогноза: *На Днепропетровщине ожидается месяц «ленинопадов»* (URL: <http://dnipro.depo.ua/rus/dnipro/na-dniropetrovshchini-ochikuetsya-misyats-leninopadiv--28012016115900>, 28.01.2016 (дата обращения: 25.07.2016)); *В Днепропетровской области «сильный ленинопад»* (URL: <http://fakty.ictv.ua/ru/index/read-news/id/1530995>, 22.10.2014 (дата обращения: 25.07.2016)); *Украина – ночью местами кратковременные Ленинопады* (URL: <http://news2.ru/story/399409/>, 22.02.2014 (дата обращения: 25.07.2016)). Журналисты сопоставляют *ленинопад* с природным явлением или состоянием окружающей действительности (с дождем, снегопадом, стихийным бедствием), естественным, неотвратимым, не зависящим от воли отдельного человека, а просто пассивно им воспринимаемым: *ленинопад надвигается*, *ленинопад прокатился*, *новая волна ленинопада*, *обильные ленинопады* и т. д. Зачастую *ленинопад* мыслится как процесс: он *начинается*, *продолжается*

ся, кончается и возобновляется. Иногда снос памятников В.И. Ленину метафорически сопоставляется с заразной болезнью/эпидемией: «**Заразный ленинопад**»: «вандалы» снесли памятник Ленину в Биробиджане (URL: http://joinfo.ua/sociaty/1086867_Zarazniy-leninopad-vandali-snesli-pamyatnik.html, 24.04.2015 (дата обращения: 25.07.2016)); **Ленинопад оказался заразным: эпидемия перекинулась на Казахстан** (URL: <http://www.trust.ua/news/109830-leninopad-okazalsya-zaraznym-epidemiya-perekinulas-na-kazahstan.html>, 24.04.2015 (дата обращения: 25.07.2016)). Вероятно, подобные метафорические образы позволяют журналистам привлечь внимание читателей к заголовку, сделав его образным, ярким и нестандартным, преподнести читателям массовый снос памятников как нечто неизбежное и при этом уйти от обращения к «неудобному» или даже опасному вопросу о том, кто несет ответственность за освещаемое событие. В сообщениях украинских сетевых СМИ инициаторы действия либо обозначаются как *группа людей, группа лиц, вандалы, активисты, неизвестные*, либо, что чаще, не указываются вообще, при этом в текстах используются неопределенно-личные конструкции: *снесли, осквернили, уничтожили, убрали*.

Метафорическое сопоставление массового сноса памятников с погодным явлением имеет место не только в новостных сообщениях, но и в анонимных микротекстах юмористического характера, при этом когнитивная метафора выражается не только вербально, но и иконически: с помощью обработанного изображения продюцент визуализирует лексическую семантику игровой трансформы, делая абсурдное высказывание наглядным, тем самым усиливая его парадоксальность, как это происходит в следующем случае, где коллаж, представленный на рис. 1, иллюстрирует высказывание: *атмосферный фронт из Украины перемещается на северо-восток, во многих областях России ожидается ленинопад* (здесь и далее любительские интернет-тексты цитируются в авторской редакции. — Е.К.) (URL: <http://pikabu.ru/story/atmosfernyy-front-iz-ukrainyi-peremeshchaetsya-na-severovostok-vo-mnogikh-oblastyakh-rossii-ozhidaetsya-leninopad-1996751>, 2014 (дата обращения: 25.07.2016)).

И в речевых произведениях рядовых интернет-пользователей, и в текстах сетевых СМИ лексическая инновация *ленинопад* становится образцом, по которому образуется целый ряд игровых трансформ: *стусопад* (от фа-

милии украинского поэта В.С. Стуса, чей памятник, стоявший перед филологическим факультетом ДонНУ, был демонтирован), *памятникопад, сталинопад, бандеропад, шевченкопад, ельцинопад* и даже *арестотелепад*. Многие из этих инноваций встречаются в интернет-текстах регулярно, хотя и не так часто, как исходная единица. Нынешний массовый снос памятников В.И. Ленину сопоставляется с подобными политическими акциями, имевшими место в прошлом: *у нас уже был ленинопад в 1991 г., как и дзержинскопад, и свердловопад и т. п.* (URL: <https://vk.com/wall-25334190?own=1&offset=15400>, 11.2014 (дата обращения: 25.07.2016)); *В свое время, был такой же «сталинопад» по всему союзу, как сейчас «ленинопад» на Украине* (URL: https://vk.com/wall-4207242_28819, 20.01.2016 (дата обращения: 25.07.2016)).

Создание очередной инновации может провоцироваться изменением описываемой ситуации и представлять собой попытку соотносить новое происшествие с уже известным, подчеркнуть их причинно-следственную связь за счет дублирования словообразовательной структуры: «**Ленинопад**» <...> *постепенно перерос в памятникопад* (URL: <http://politrussia.com/society/dekommunizatsiya-ukrainy-biznes-800/>, 03.11.2015 (дата обращения: 25.07.2016)); *Заодно это напоминает распоясавшимся бандеровцам, что безнаказанно громить всё русское уже не получится, а ответные шаги не заставят себя ждать: вслед за «ленинопадом» случился «стусопад», нельзя исключать и «шевченкопад»* (URL: <http://www.segodnia.ru/content/160168>, 06.05.2015 (дата обращения: 25.07.2016)). Некоторые из этих единиц указывают на события нереальные, несуществующие, но, по мнению пользователя, возможные и даже желательные: *Небольшой ельцинопад в Е-бурге тоже был бы к месту* (URL: <http://kuzpress.ru/old/society/29-11-2014/35852.html>, 29.11.2014 (дата обращения: 25.07.2016)); *Бандеровцы зимой устроили ленинопад. Донецк весной ответил трызубопадом. На пороге – шевченкопад...* (URL: <https://vk.com/dmitryjewski>, 16.04.2014 (дата обращения: 25.07.2016)). В этом случае нередко речь идет не о памятнике, а о субъекте социально-политических отношений, действия которого негативно оцениваются говорящим, при этом первая основа может быть представлена топонимом (*украинопад, европопад*), фамилией политика (*порошенкопад, обамапад*) или другой узнаваемой номинацией человека по признаку его гражданской

позиции (*русофобопад*, *правосекопад*). Внутренняя форма таких вторичных инноваций способствует сохранению ориентационной метафоры в различных смысловых вариантах: УТРАТА ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЗНАЧИМОСТИ – ЭТО ПАДЕНИЕ (*стусопад*, *бандеропад*, *шевченкопад*), УТРАТА ВЛАСТИ – ЭТО ПАДЕНИЕ (*порошенкопад*, *обамопад*, *правосекопад*, *русофобопад*), КРИТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ – ЭТО ПАДЕНИЕ (*украинопад*, *европад*).

Таким образом, инновация *ленинопад*, образованная путем сложения основ по аналогии с узуальными словами и вследствие этого имеющая прозрачную внутреннюю форму, сама становится словом-прообразом для порождения новых единиц, причем дублирование словообразовательной структуры приводит к возникновению когнитивной метонимии: в представлении говорящего референты слова-образца и игровой трансформы связаны друг с другом причинно-следственными отношениями: действие, обозначенное словом-прообразом, провоцирует другое действие, подобное первому, на которое указывает вторичная игровая трансформа. Эта логическая связь хорошо видна в следующих высказываниях: *Ленинопад закончится украинопадом* (URL: <http://varjag-2007.livejournal.com/5755052.html>, 24.02.2014 (дата обращения: 25.07.2016)); *Ленинопад у них и прыгалки. Не до этого ... А зря! Ленинопад = Украинопад*. <...> *Народ, не помнящий своего прошлого, не имеет будущего* (URL: <http://www.prado-club.ru/forum/index.php?topic=126546.134830>, 31.05.2015 (дата обращения: 25.07.2016)); *Маятник качнулся: ленинопад в Украине, похоже, сменяет бандеропад* (URL: https://vk.com/wall-38121615_1118022, 15.09.2015 (дата обращения: 25.07.2016)). Таким образом, вторичные игровые трансформы одновременно и метафоричны, и метонимичны.

При образовании единицы с опорой на образец может использоваться и первая основа слова-прообраза *ленинопад*: *лениногон*, *лениноподъем*. Второй основой инновации *лениногон* является корень, вычленимый из широко распространенных в разговорной речи жаргонных единиц *гнуть* ('лгать, обманывать'), *гонево* ('ложь, обман, поклеп'). Авторский окказионализм создается для обобщенного обозначения многочисленных попыток очернить В. И. Ленина и разговоров о необходимости сокращения количества памятников вождю пролетариата в России. Инновация за-

нимает сильную позицию в тексте блогпоста, входя в состав его заголовка – «*Ленинопад*» и «*лениногон*» (URL: <http://eot-orel.livejournal.com/20025.html>, 28.04.2016 (дата обращения: 25.07.2016)). Сходство словообразовательной структуры этих единиц отражает представления говорящего о подобии их референтов: по мнению автора, звучащие в России негативные отзывы о В. И. Ленине, а также предложения ликвидировать памятники и Мавзолей являются таким же проявлением информационной войны, как и массовый демонтаж монументов на Украине.

Слово-прообраз и игровая трансформа могут обозначать не только похожие, но и принципиально различные явления. Один из постов, опубликованных в блоге *ru_polit*, занимающем четвертое место в рейтинге Украины, имеет заголовок, в котором два действия сталкиваются и противопоставляются с помощью обозначающих их единиц, имеющих сходную словообразовательную структуру и противоположное значение, обусловленное антонимичностью вторых основ *-пад* и *-подъем*: *Ленинопад и лениноподъем*. *План Ленина сработал... через сто лет* (URL: <http://ru-polit.livejournal.com/8273058.html>, 07.02.2016 (дата обращения: 25.07.2016)). Единица *лениноподъем* используется в сильной позиции текста дважды: в заголовке и в последнем (самом коротком) параграфе, который выглядит следующим образом: *Ну, а в Донецке сейчас происходит маленький «лениноподъем»: «лечат» и реставрируют повреждённую майданскими взрывниками ногу статуи Владимира Ильича. У памятника появляются живые цветы...* [Там же]. Семантику единицы *лениноподъем* можно трактовать двояко: во-первых, это реставрация монумента, метафорически представленная как лечение, а во-вторых, это противопоставленное *лениноподу* усиление идеологической значимости памятника В. И. Ленину, авторское представление о котором вербализируется с помощью ориентационной метафоры движения вверх.

Единица *ленинопад* не только становится образцом для образования целого ряда лудически маркированных инноваций, но и провоцирует другие игровые манипуляции, как это происходит в следующем креолизованном тексте (см. рис. 2), где иконический компонент, представляющий собой фотоколлаж, способствует переосмыслению внутренней формы узуального топонима и ситуативному изменению его значения.

Рис. 1. Фотоколлаж

Рис. 2. Креолизованный интернет-текст

Вербальная составляющая текста является названием того, что изображается его иконическим компонентом. Здесь *Ленинград* – это название не города Санкт-Петербурга, а фантазийного боевого орудия, стреляющего по противнику памятниками Ленину, что подкрепляется комментарием к креолизованному тексту: *Новая боевая единица у ополчения, бойтесь, укры, с Россиюшки сепаратисты пригнали* (URL: <https://vk.com/wall>, 27.04.15 (дата обращения: 25.07.2016)). Комический эффект креолизованного текста основан как на парадоксальности и необычайности изображенной в нем вымышленной ситуации, так и на каламбурном столкновении сразу трех омонимов:

1. «ГРАД, -а; м. 1. Атмосферные осадки в виде округлых льдинок, представляющие собой дождевые капли, замёрзшие в воздухе. *Дождь с градом. Выпал г. Г. побил посевы.* 2. *чего.* Множество, обилие, поток чего-л. *Г. пух Г. камней. г. упрёков, возражений. г. насмешек*» [1, с. 224].

2. «ГРАД, -а; м. Трад.-поэт. Город. *Стольный, престольный г. (столица).* * *Красуйся, град Петров, и стой Неколебимо, как Россия* (Пушкин)» [Там же].

3. ГРАД, -а; м. Реактивная система залпового огня 9К51 «Град».

Единица *град* 2 в значении 'город' присутствует в качестве второй основы обыгрываемого узуального топонима *Ленинград*, образованного с помощью сложения основ без соединительной гласной. Иконический компонент, вступающий в синсемантические отношения с вербальной составляющей текста, заставляет реципиента воспринимать вторую основу не как *град* 2, а как *град* 3, т. е. как указание на боевое орудие. В качестве официального названия РСЗО 9К51, основанного на метафорическом переносе, используется единица *град* 1. Переосмысление внутренней формы топонима *Ленинград* устанавливает его ассоциативную связь с инновацией *ленинопад* за счет частичного сходства их словообразовательной структуры и подобия порождаемых единица-

ми метафорических образов. Таким образом, людически маркированная единица *Ленинград* представляет собой обыгрывание природоморфной метафоры СНОС ПАМЯТНИКОВ В.И. ЛЕНИНУ – ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ. Рассматриваемый креолизованный текст был опубликован в социальной сети *ВКонтакте* на «стене» открытой группы *Прости, мама, я ушел в ополчение*, которая в настоящее время называется *ВС России | Армия Донбасса | Мы те кто не сдался!* и объединяет более 120 тыс. участников. Текст был размещен 27 апреля 2015 г., т. е. на следующий день после неудачной попытки демонтировать монумент в Славянске и через пять дней после дня рождения В. И. Ленина, к которому был «приурочен» снос памятника в Краматорске. Этот текст представляет собой лингвокреативное выражение непосредственной реакции пользователя на актуальные события и при этом тематически соотносится с целым рядом креолизованных интернет-текстов об ушедшем в Ополчение памятнике Ленину, эксплуатирующих популярный фольклорный сюжет об оживающей мстительной статуе. Этот текст, как и любое другое речевое произведение, размещенное в коммуникативном пространстве социальной сети, нацелен на массовую аудиторию, и, соответственно, среди его возможных реципиентов есть как единомышленники автора, так и его идеологические и боевые противники, обращение к которым эксплицируется в авторском комментарии. Игровой характер коллажа и шуточный тон его метатекста ничуть не смягчают содержащуюся в них угрозу «чужим», но при этом они могут способствовать поддержанию морального духа участников группы, среди которых есть и военные, и гражданские лица.

Игровая неодеривация по конкретному образцу и намеренное столкновение слова-прообраза и вторичной трансформы являются имплицитным проявлением метаязыковой рефлексии и служат в роли дополнительного аргумента, подкрепляющего авторскую трак-

товку событий: подобие словообразовательной структуры номинаций отражает ощущаемую продуцентом связь явлений внеязыковой действительности, их онтологическое сходство, единообразие (*лениногон, сталинопад* и др.), а также, становясь одним из многочисленных проявлений стихийного языкового сопротивления, выражает представления говорящих о неизбежности возмездия (*бандеропад, порошенкопад, украинопад, обамопад* и др.) и дает ситуативное наименование действию, продиктованному принципиально иной идеологической позицией (*лениноподъем, Ленинград*). В двух последних случаях целью языковой игры, спровоцированной лексической инновацией *ленинопад*, является разграничение миров «своего» и «чужого»: *Ленинград* и *лениноподъем* – это то, что противопоставляется *ленинопаду* как действию идеологического и боевого противника.

Единица *ленинопад* обладает прозрачной внутренней формой, однако благодаря своей новизне, необычности и специфической образности она закономерно становится объектом эксплицитной метаязыковой рефлексии. Часто говорящими подчеркивается тот факт, что слово появилось недавно. Некоторые коммуниканты считают единицу удачной, поскольку положительно оценивают обозначаемое с ее помощью явление: *выступление оппозиции на Украине сопровождалось массовым сношением памятников упырю Ленину <...> Даже термин такой появился «ленинопад». Правильный такой термин* (URL: <http://ari.ru/ari/2014/02/26/revolyuciya-na-ukraine-uspehlyustraciya-i-leninopad>, 26.02.2014 (дата обращения: 25.07.2016)). Нередко подвергается сомнению точность номинации и предлагается более подходящий вариант: *Почему журналисты назвали «Ленинопад»?! Он же не сам падает! Его же валят! Правильнее было бы называть «Лениновал»!* (URL: <https://otvet.mail.ru/question/165155772>, 2014 (дата обращения: 25.07.2016)). Большинство исследователей согласны с тем, что метаязыковая деятельность говорящего является одним из важнейших признаков, отличающих рутинную речевую деятельность от креативной, поскольку «избыточная креативность в общении закономерно приводит к коммуникативным сбоям» [11, с. 11]; «коммуникативные трудности мобилизуют бессознательную избыточность метаязыковой способности, <...> человек острее реагирует на те участки, где проявляется отход от языковой нормы, где сильнее ощущается язы-

ковая индивидуальность коммуниканта» [4, с. 101–104]. В этом случае использование маркированного элемента в речи сопровождается его толкованием, нацеленным на оправдание нестандартного словоупотребления и предвидение возможного коммуникативного сбоя [16, с. 16], однако с единицей *ленинопад* этого не происходит: за включением инновации в текст не следует метаязыковой комментарий с уточнением ее лексической семантики, напротив, и рядовые интернет-пользователи, и профессиональные журналисты сначала рассуждают о самом факте массового сноса памятников В. И. Ленину в бывшей союзной республике и только после этого, стремясь подчеркнуть значимость описываемого явления и указать на производимый им общественный резонанс, говорят о появлении нового слова: *Напомним, процесс декоммунизации, охвативший Украину после революции Достоинства, начался именно со сноса памятников советским вождям, который получил в народе название «ленинопад»* (URL: <http://chelyabinsk.ru/text/news/>, 22.04.2016 (дата обращения: 25.07.2016)). Сообщение о возникновении единицы *ленинопад* часто присутствует либо в начале, либо в конце аналитических статей, посвященных массовому сносу памятников, инновация нередко входит в состав заголовков. Для журналистов появление нового слова не менее значимо, чем обозначаемое этим словом событие, более того, как событие читателям преподносится сам факт образования лексической инновации и ее вхождения в повседневные речевые практики.

Новообразование *ленинопад*, являясь игровой трансформой с метафорической внутренней формой, становится образцом для образования других людически маркированных единиц. Выполняя текстогенную функцию, оно часто входит в состав заголовков блогпостов и новостных сообщений и включается в контексты языковой игры. Таким образом, инновация обладает некоторыми признаками ключевого слова текущего момента (КСТМ), выделенными автором этого термина Т.В. Шмелевой [15]. Очевидно, она действительно является КСТМ, но лишь в рамках речевых практик отдельных регионов бывшего СССР и неформальной зоны дискурсивного пространства политической интернет-коммуникации. Вероятно, после изменения социально-политической ситуации инновация *ленинопад* выйдет из употребления, но останется в памяти одного поколения носителей русского языка.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000.
2. Быкова И.А. Неологизмы 2014 года // Лингвистичні дослідження: Зб. наук. праць ХНПУ ім Г.С. Сковороди. 2015. Вип. 39. С. 11–15 [Электронный ресурс]. URL: <http://oaji.net/articles/2015>.
3. Вепрева И.Т. Об актуальной лексеме 'Крым-наш' // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы 13-го конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сент. 2015 г.). СПб.: МАПРЯЛ, 2015. Т. 2. С. 31–35.
4. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005.
5. Газинская Ю. В. Конструирование политической реальности в русскоязычном медиадискурсе Украины : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2014.
6. Горбань В.В. Семантические трансформации в политическом дискурсе Интернета // Политическая лингвистика. 2016. № 2 (56). С.60–64.
7. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992.
8. Ильясова С.В. Крымец Украине, или Политическое словотворчество // Политическая лингвистика. 2016. № 3 (57). С. 27–30.
9. Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М.: Флинта, 2009.
10. Иссерс О.С. От серьезного – до смешного: игровой потенциал российского слова года // Политическая лингвистика. 2015. № 4 (54). С. 25–31.
11. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. Волгоград: Парадигма, 2010.
12. Резанова З.И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: идеи, методы, решения // Вестник Томского гос. ун-та. Сер.: Филология. 2010. № 1 (9). С. 26–43.
13. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003.
14. Шмелева Е.Я. Интернет-коммуникация: новые тенденции в русском словообразовании // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 2. С. 46–52.
15. Шмелева Т.В. Кризис как ключевое слово текущего момента // Политическая лингвистика. 2009. Вып. 2 (28). С. 63–67.
16. Шумарина М.Р. Метаязыковая рефлексия в фольклорном и литературном тексте: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. М., 2011.

* * *

1. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka. SPb.: Norint, 2000.
2. Bykova I.A. Neologizmy 2014 goda // Lingvistichni doslidzhennja: Zb. nauk. prac' HNPU im G.S. Skovorodi. 2015. Vip. 39. S. 11–15 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://oaji.net/articles/2015>.
3. Vepreva I.T. Ob aktual'noj lekseme 'Krymnash' // Russkij jazyk i literatura v prostranstve miro-

voj kul'tury: materialy 13-go kongressa MAPRJaL (g. Granada, Ispanija, 13–20 sent. 2015 g.). SPb.: MAPRJaL, 2015. T. 2. S. 31–35.

4. Vepreva I.T. Jazykovaja refleksija v postsovet-skuju jepohu. M.: OLMA-PRESS, 2005.
5. Gazinskaja Ju. V. Konstruirovanie politichesk-koj real'nosti v russkojazychnom mediadiskurse Ukrainy : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Omsk, 2014.
6. Gorban' V.V. Semanticheskie transformacii v politicheskom diskurse Interneta // Politicheskaja lingvistika. 2016. № 2 (56). S.60–64.
7. Zemskaja E.A. Slovoobrazovanie kak dejatel'-nost'. M.: Nauka, 1992.
8. Il'jasova S.V. Krymec Ukraine, ili Politicheskoe slovtvorchestvo // Politicheskaja lingvistika. 2016. № 3 (57). S. 27–30.
9. Il'jasova S.V., Amiri L.P. Jazykovaja igra v kommunikativnom prostranstve SMI i reklamy. M.: Flinta, 2009.

10. Issers O.S. Ot ser'eznogo – do smeshnogo: igrovoj potencial rossijskogo slova goda // Politicheskaja lingvistika. 2015. № 4 (54). S. 25–31.

11. Karasik V.I. Jazykovaja kristallizacija smysla. Volgograd: Paradigma, 2010.

12. Rezanova Z.I. Metaforicheskij fragment rus-skoj jazykovoj kartiny mira: idei, metody, reshenija // Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Ser.: Filologija. 2010. № 1 (9). S. 26–43.

13. Chudinov A.P. Metaforicheskaja mozaika v sovremennoj politicheskoy kommunikacii. Ekaterin-burg: Ural. gos. ped. un-t, 2003.

14. Shmeleva E.Ja. Internet-kommunikacija: no-vye tendencii v russkom slovoobrazovanii // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2015. № 2. S. 46–52.

15. Shmeleva T.V. Krisis kak ključevoe slovo tekushhego momenta // Politicheskaja lingvistika. 2009. Vyp. 2 (28). S. 63–67.

16. Shumarina M.R. Metajazykovaja refleksija v fol'klornom i literaturnom tekste: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01. M., 2011.

Lexical innovation “leninopad” in Internet texts covering political issues

The article deals with the features of verbalization and conceptualization of Russians' ideas of the present socio-economic reality based on the innovation “leninopad” and its derivatives. The author finds out the word formation method, as well as word-formative and associative connections in formation of their inner form. The functioning features of these pun transforms in mass media texts and in verbal texts of average Internet users are analyzed in the article.

Key words: *political Internet communication, pun, cognitive metaphor.*

(Статья поступила в редакцию 03.08.2016)